

Ким Стэнли Робинсон

КИМ СТЭНЛИ РОБИНСОН

2312

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
P58

Серия «Фантастика!»

Kim Stanley Robinson
2312

Перевод с английского *А. Грузберга*

Художник *Д. Андреев*

Компьютерный дизайн *В. Лебедевой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Ralph M Vicinanza Ltd. и Andrew Nurnberg.

Робинсон, Ким Стэнли.

P58 2312 : [роман] / Ким Стэнли Робинсон ; [пер. с англ. А. Грузберга]. – Москва : Издательство АСТ, 2015. – 480 с. – (Фантастика!)

ISBN 978-5-17-079626-7

Кто сказал, что счастливое будущее человечества невозможно?
2312 год.

Люди освоили планеты и астероиды Солнечной системы, побеждено экономическое неравенство, справедливым распределением благ управляет компьютерная система.

И вдруг всеобщий рай «идеального будущего» начинает трещать по швам. Космическая диверсия уничтожает Терминатор – прекрасный меркурианский город на рельсах. Уроженка Меркурия, дизайнер новых миров Свон Эр Хон, чудом оставшаяся в живых, прилетает на другую планету и... становится свидетелем следующей диверсии. Новая планета – и новый кошмар. Свон Эр Хон не может остаться в стороне. Она подключается к смертельно опасному расследованию...

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-079626-7

© Kim Stanley Robinson, 2012
© Перевод. А. Грузберг, 2015
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Пролог

Солнце всегда вот-вот взойдет. Меркурий вращается настолько медленно, что если спешно идти по его каменистой поверхности, можно опережать рассвет; многие так и поступают. Для многих это стало образом жизни. Они идут в сторону запада, непрерывно обгоняя ослепительный день. Некоторые торопятся из одного места в другое, останавливаясь, чтобы заглянуть в расселины, которые сами же когда-то заселили специально выведенными лишайниками-металлофитами, и собрать накопившиеся залежи золота, вольфрама или урана. Но большинство совершают походы просто чтобы увидеть первые лучи солнца.

Древняя поверхность Меркурия так искалечена и неровна, что терминатор планеты, зона наступающего рассвета, представляет собой широкую полосу светотени, чередующихся черных и белых пятен: угольно-черные углубления перемежаются ослепительно-белыми возвышениями, которые упорно расползаются, пока вся поверхность не заблестит, точно расплавленное стекло; тогда начинается длинный день. Эта смешанная зона солнца и тени часто достигает в ширину тридцати километров, хотя до горизонта по плоской поверхности всего пять километров. Но плоских поверхностей на Меркурии очень мало. Повсюду следы старых ударов и вздыбленные возвышения — память о том времени, когда планета охлаждалась и съеживалась. Местность такая неровная, что свет, внезапно вспыхнув на восточном горизонте, может озарить какую-нибудь вершину далеко на западе. Все, кто передвигается по поверхности, должны считаться с такой возможностью, знать, когда и куда солнце добирается дальше всего, — и, если этот луч застигнет их, бежать в укрытие в тень.

Но иногда они остаются нарочно. Останавливаются во время прогулки на определенных холмах или краях кратеров, в местах, обозначенных ступами, насыпями, петроглифами,

инуксуками*, зеркалами, стенами, голдсуорти**. Солнцеходы в таких местах задерживаются и ждут.

Они смотрят на черный горизонт над черной скалой. Сверхтонкая неон-аргоновая атмосфера, созданная обрушивающимся на скалы солнечным светом, способна передать только очень слабый предрассветный отблеск. Но солнцеходы точно знают время, поэтому ждут и смотрят, пока...

...пока из-за горизонта не плеснет оранжевое пламя...

...и не воспламенит их кровь. Следуют новые мгновенные выбросы, пламенные потоки вздымаются, изгибаются петлями, отрываются и свободно плывут по небу. Фрагменты звезды, готовые обрушиться на вас! Лицевые пластины уже потемнели и поляризовались, чтобы защитить глаза.

Огненные факелы развернулись вправо и влево от места своего первого появления, как будто пламя за горизонтом распространяется на север и на юг. Затем становится виден кусочек фотосферы, уже собственно поверхность солнца, — появляется и замирает, медленно расплываясь в стороны. В зависимости от того, какой фильтр использован в лицевой пластине, поверхность звезды может казаться голубым водоворотом, оранжевой пульсирующей массой или просто белым кругом. Масса продолжает распространяться влево и вправо дальше, чем кажется возможным, и наконец делается ясно, что ты стоишь на камне совсем рядом со звездой.

Пора разворачиваться и бежать. Некоторые солнцеходы с трудом приходят в себя, они ошеломлены, спотыкаются и падают, поднимаются и бегут на запад. Их панику ни с чем нельзя сравнить.

За их спинами — возможность увидеть меркурианский восход. В ультрафиолете это неугасающее буйство синевы, все более жаркой. Когда диск фотосферы темнеет, фантастический танец короны, все эти магнитные дуги и короткие замыкания, массы горящего водорода, выбрасываемые в ночь, становится более отчетливым. Но можно, если захочется, затемнить коро-

---

* Инуксук — каменная фигура в культуре инуитов. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** По имени современного английского скульптора Энди Голдсуорти, представителя так называемого «земляного искусства», *land art*. Скульптуры и инсталляции на природе с использованием природных элементов.

ну и смотреть только на солнечную фотосферу, даже увеличить изображение, так что будут видны тысячи пылающих корчащихся языков, и все эти тучи конвекционных ячеек яростно горят, сжигая пять миллионов тонн водорода в секунду, — и так продолжится еще четыре миллиарда лет. Все эти длинные спикулы пламени пляшут кругами подле маленьких черных дисков — солнечных пятен, подвижных водоворотов огненных бурь. Массы спикул сливаются, как водоросли в прилив. Существует небιологическое объяснение всех этих сложных движений: разные газы движутся с различной скоростью, магнитные поля постоянно меняются, формируя бесконечные огненные водовороты, — обычная физика, ничего больше, но выглядит это *живым*, даже в большей степени, чем многие живые существа. В апокалипсисе меркурианского рассвета невозможно поверить, что это неживое. Оно ревет вам в уши, *говорит* с вами.

Большинство солнцеходов пробуют различные фильтры и делают свой выбор. Отдельные фильтры или их наборы становятся предметом поклонения, оказываются в основе ритуалов, частных или общих. В этих ритуалах легко затеряться; и когда солнцеходы стоят, замерев на месте, и смотрят, что-то в увиденном их зачаровывает, какой-то невиданный рисунок, что-то в этих биениях и движении пленяет сознание; вы вдруг слышите шипение огненных ресничек, оно постепенно перерастает в рев — это ваша кровь шумит в ушах, но в эти мгновения вам кажется, что горит само солнце. И люди чересчур долго остаются на месте. У одних сгорает сетчатка, другие слепнут, третьи мгновенно погибают, когда не выдерживает скафандр. Иногда поджариваются целые группы по десять и более человек.

По-вашему, они глупцы? Вам кажется, что вы сами никогда не допустите такую ошибку? Не зарекайтесь. На самом деле этого нельзя знать. Ничего подобного вы никогда не видели. Можете думать, что вы в безопасности, что ничто за пределами сознания уже не интересует вас: вы ведь столько знаете, так образованны. Но вы ошибаетесь. Вы — создание солнца. Красота и ужас солнца, наблюдаемого вблизи, может опустошить любое сознание, любого погрузить в транс. Некоторые говорят, мол, это все равно что посмотреть в лицо богу; и действительно, солнце дает жизнь всем живым существам в Солнечной системе, и в этом смысле оно бог, *наш* бог. И вид его может изгнать из вашей головы все мысли. Именно для этого сюда и приходят.

* * *

Поэтому есть основания тревожиться за Свон Эр Хон, особу, больше прочих склонную засматриваться. Она часто уходит бродить под солнцем, нарушая при этом границы безопасности и иногда слишком долго оставаясь на свету. Гигантская лестница Иакова*, дробная пульсация, цветение спикул... она влюблена в солнце. Она обожествляет его, в ее комнате есть алтарь Sol Invictus**. Каждое утро в городе она, проснувшись, начинала с церемонии пратасамдхая*** — приветствия солнцу. Ее ландшафтное искусство и перформансы посвящены солнцу, и большую часть времени она посвящала созданию голдсуорти и абрамовичей**** в природе и на своем теле. А солнце было частью ее искусства.

Теперь оно стало и ее утешением, ведь она пришла горевать. Если встать на променаде над высокой Рассветной Стеной города Терминатор, можно увидеть Свон далеко на юге, у самого горизонта. Ей нужно спешить. Город скользит по рельсам по дну гигантской долины между Гесиодом и Куросавой, и вскоре на востоке взойдет солнце. Свон должна попасть в город раньше, чем это произойдет, но она не уходит. С гребня Рассветной Стены она кажется серебряной игрушкой. У нее большие сапоги, покрытые черной пылью, и скафандр с большим круглым прозрачным шлемом. Маленький серебряный муравей в сапогах горюет, не трогаясь с места, хотя пора поспешить к посадочной платформе западнее города. Другие солнцеходы уже торопятся туда. Некоторые катят тачки или небольшие колесные платформы с припасами и даже со спящими спутниками. Возвращение точно рассчитано, поскольку перемещение города предсказуемо. Город не может отклониться от расписания: жар наступающего дня расширяет рельсы под ходовой частью, и это толкает всю конструкцию, так что жар солнца гонит город на запад.

---

* Лестница Иакова — лестница из сна библейского персонажа Иакова, соединяющая землю и небо.

** Sol Invictus («Непобедимое Солнце») — официальный римский бог солнца, учрежденный императором Аврелианом в 274 н. э.

*** Буддийская молитва.

**** По имени Марины Абрамович — сербской художницы-перформансиста, использующей в перформансах собственное тело.

Город приближается к платформе, на которой толпятся солдеходы. Некоторые возвращаются после недель или даже месяцев отсутствия — столько времени требуется, чтобы обойти всю планету. Когда город окажется рядом, двери его шлюзов откроются и они смогут войти.

Это произойдет уже скоро, и Свон тоже следует быть там. Но она все еще стоит на возвышении. Ей уже не раз приходилось заменять сетчатку, не однажды она, как заяц, убегала от смерти. И вот опять. Она сейчас чуть южнее города и горизонтально подсвечена, словно серебристая соринка в луче солнечного света. При виде такой опрометчивости невозможно удержаться и не закричать (хотя это и бесполезно): «Свон, ты дура! Алекс мертва, и с этим ничего не поделаешь. Беги, спасайся!»

Но вот она приходит в движение. Жизнь, стремление к выживанию побеждают смерть — Свон поворачивается и бежит. Тяготение Меркурия, почти такое же, как на Марсе, часто называют самым подходящим для бега, потому что привычные к нему могут мчаться огромными прыжками, размахивая руками для равновесия. Свон прыгает, но неудачно, один сапог цепляется камень, и она падает ничком, но вскакивает и вновь прыгает вперед. Нужно добраться до платформы, пока город еще не отошел от нее: до следующей — десять километров к западу.

Она подбегает к лестнице на платформу, хватается за перила, взлетает на край перрона и запрыгивает в закрывающийся шлюз.

Свон и Алекс

Когда Свон поднималась по большой центральной лестнице Терминатора, церемония прощания с Алекс уже началась. Обитатели города вышли на бульвары и площади и стояли молча. В городе находилось много гостей: проводилась очередная конференция, одна из тех, которые Алекс устраивала. В пятницу она лично приветствовала прибывших, а теперь, неделю спустя, ее похороны. Внезапная смерть. Оживить не сумели. И вот горожане и гости-дипломаты — все люди Алекс — скорбят.

Свон остановилась на полпути к вершине Рассветной Стены, не в силах идти дальше. Внизу — крыши, террасы, патио, балконы. Лимонные деревья в огромных керамических горшках. Закругленный склон выглядит кусочком Марсея, — белые четырехэтажные жилые дома, балконы с черными металлическими перилами, широкие бульвары и узкие переулки, выходящие на променады над парком. И все запружено людьми всевозможных разновидностей; лица тоже представляли все известные ей типы — ольмекский сфероид, топорик, лопата... У перил стояли трое маленьких, чуть более метра, все в черном. У подножия лестницы толпились только что подошедшие солнцеходы, пыльные и загорелые. От этого у Свон защемило сердце: даже солнцеходы явились на прощание.

Она развернулась и начала спускаться по лестнице, сама себе удивляясь. Узнав новость, она тут же бросилась вон из города, гонимая потребностью в одиночестве. А теперь не может смотреть, как развеют пепел Алекс, и не хочет сейчас видеть Мкарета, ее партнера. Поэтому стремится в парк, смешаться с толпой. Все стоят неподвижно, смотрят вверх, все кажутся опечаленными. Держатся за руки. Столько людей полагались на Алекс! Она была Львицей Меркурия, сердцем города. Душой системы. Той, что помогает и защищает.

Люди узнавали Свон, но не заговаривали с ней; это трогало больше, чем соболезнования, и лицо ее повлажнело от слез, приходилось время от времени вытирать его пальцами. Потом кто-то остановил ее.

— Ты Свон Эр Хон? Алекс была твоей бабушкой?

— Она была моим всем.

Свон развернулась и двинулась прочь от этого человека. Решив, что на ферме людей будет меньше, она вышла из парка

и пошла под деревьями. Из громкоговорителей лился траурный марш. Среди кустов олень тыкался носом в опавшие листья.

Она еще не добралась до фермы, когда Большие Ворота Рассветной Стены открылись и под купол ворвался солнечный свет, создав, как всегда, горизонтальную пару желтых прозрачных полос. Свон обратила внимание на вихри между полосами; открывая ворота, здесь бросали в воздух тальк, тонкий цветной порошок поднимался вверх и рассеивался. С высоко расположенной террасы под стеной поднялся воздушный шар и поплыл на запад; под ним раскачивалась маленькая корзина — Алекс, как и должно. В музыке вызывающе загремели басы, гармоническое континуо. Когда шар вошел в одну из желтых горизонтальных полос, раздался хлопок, корзина разлетелась, и пепел Алекс, выходя из света, поплыл вниз, в воздух города, становясь невидимым при снижении, как капли дождя в пустыне. В парке послышался шум и рукоплескания. Молодые люди начали скандировать: «А-лекс! А-лекс! А-лекс!» Аплодисменты длились несколько минут, перешли затем в ритмичные постукивания, которые звучали еще долго. Люди не хотели сдаваться. Как будто, бросив аплодировать, окончательно теряют ее. Но постепенно они сдались и перешли в следующую фазу своей жизни — жизни без Алекс.

Следовало пойти наверх и присоединиться к семье Алекс; бродившая по ферме Свон застонала при этой мысли. Наконец она все-таки начала подниматься по большой лестнице, напряженно, слепо, время от времени останавливаясь и произнося: «Нет! Нет! Нет!» Но это было бессмысленно. Внезапно она поняла: все, что она теперь делает, совершенно бессмысленно. Она задумалась, сколько это будет продолжаться; ей показалось — бесконечно, и нахлынул страх. Как изменить это?

Долго ли, коротко ли, но она собралась с духом и поднялась к мемориалу на Рассветной Стене. Предстояло поздороваться со всеми из ближнего круга Алекс, обнять Мкарета и вытерпеть выражение его лица. Но Мкарет оказался погруженным в себя. Не похоже на него, однако Свон понимала почему. Она даже испытала облегчение. Сравнивая с тем, как плохо ей и насколько ближе к Алекс был Мкарет, насколько больше проводил с ней времени и как давно они стали партнерами... она

даже вообразить не могла его чувства. А может, могла. И вот теперь Мкарет смотрит на иную реальность из иной реальности — его форма вежливости. И Свон сумела обнять его, и пообещала навесить позже, и смогла смешаться с остальными на самой высокой террасе Рассветной Стены, а позже подойти к перилам и посмотреть сверху на город и на черную землю за границей прозрачного городского купола. Они продвигались по квадранту Койпера, и она видела справа кратер Хиросигэ. Когда-то давно она брала с собой Алекс на склон этого кратера, чтобы та помогла ей соорудить голдсуорти — каменную волну, напоминающую рисунок знаменитого японского художника. Разместить камни на скале, которая станет вершиной будущей волны, стоило им таких акробатических усилий, что, как часто бывало с ней в обществе Алекс, Свон расхохоталась и смеялась до колик. Теперь она увидела каменную волну: та была на месте, видимая из города. Однако камни, установленные на вершине волны, исчезли — возможно, их сбросила вибрация, создаваемая проходящим городом, а может, действие солнечного жара. Или они упали, узнав новость.

Через несколько дней Свон навестила Мкарета на его рабочем месте. Лабораторию одного из ведущих в системе специалистов по биосинтезу заполняли машины, баки, сосуды, экраны с многоцветными диаграммами — здесь, основание за основанием, сооружали жизнь во всей ее сложности. Именно здесь научились сотворять жизнь с азотом, здесь синтезировали большинство бактерий, которые сейчас терраформируют Венеру, Титан, Тритон — вообще всё.

Теперь все это не имело значения. Мкарет сидел в своем кабинете и сквозь стену смотрел в пустоту.

Поднявшись, он уставился на гостью.

— А, Свон, рад тебя видеть. Спасибо, что зашла.

— Да не за что. Как ты?

— Не слишком хорошо. А ты?

— Ужасно, — призналась Свон, чувствуя себя виноватой: меньше всего ей хотелось увеличивать груз на плечах Мкарета. Но в такие минуты невозможно лгать. А он только кивнул, занятый собственными мыслями. Она видела, что думами он далеко. В кубках на его столе — изображения протеинов, безумные сплетения фальшиво-ярких цветов. Он пытается работать.

— Должно быть, трудно работать, — сказала она.

— Да, очень.

После недолгой паузы Свон спросила:

— Ты знаешь, что с ней случилось?

Он быстро покачал головой, словно это не имело отношения к делу.

— Ей было сто девяносто один.

— Знаю, но все же...

— Что «все же», Свон? Мы выходим из строя. Рано или поздно в том или другом месте мы ломаемся.

— Я просто думала почему.

— Здесь нет почему.

— Но как тогда...

Он снова покачал головой.

— Бывает все что угодно. В данном случае аневризма в важной части мозга. Но вариантов очень много. Поразительно, что мы сами все еще живы.

Свон села на край стола.

— Знаю. Но... что ты теперь будешь делать?

— Работать.

— Но ты же сказал...

Он взглянул на нее из глубины своей пещеры.

— Я не сказал, что это бесполезно. Это было бы неверно. Прежде всего, мы с Алекс провели вместе семьдесят лет. И встретились, когда мне было сто тридцать. Это не шутки. И кроме того, работа интересует меня как головоломка. Очень большая головоломка. Слишком сложная.

Тут он умолк и больше не мог говорить. Свон положила руку ему на плечо. Он закрыл лицо ладонями. Свон сидела с ним рядом и молчала. Наконец он с силой потер глаза, задержал дыхание.

— Смерть победить невозможно, — сказал Мкарет. — Она слишком значительна. Слишком естественна. В ее основе второй закон термодинамики. Можно только надеяться отодвинуть ее. Оттолкнуть. Этого должно быть достаточно. И я не понимаю, почему этого мало.

— Да ведь от этого только хуже! — пожаловалась Свон. — Чем дольше живешь, тем хуже становится!

Он покачал головой и снова вытер глаза.

— Не думаю. — Он выдохнул. — Плохо всегда. Люди продолжают жить, ощущая это, и... — Он пожал плечами. — Думаю, эти твои слова — своего рода заблуждение. Кто-то умирает, мы

спрашиваем — почему? Нет ли возможности остановить это? Иногда такая возможность есть. Но...

— Это какая-то ошибка! — заявила Свон. — Реальность допустила ошибку, а ты ее закрепляешь. — Она показала на экраны и кубы. — Верно?

Он засмеялся и заплакал одновременно.

— Верно, — сказал он, сморкаясь и вытирая лицо. — Это глупо. Какая спесь! Я имею в виду — закрепление реальности.

— Но есть и плюсы, — сказала Свон. — Ты сам знаешь. Ты получил семьдесят лет с Алекс.

— Верно. — Он глубоко вздохнул и посмотрел на нее. — Но... без нее теперь все будет не то.

Свон почувствовала отчаяние в этих правдивых словах. Алекс была ей другом, защитником, учителем, приемной бабушкой, суррогатной матерью — всем этим, а еще источником смеха. Источником радости. Теперь ее нет, и Свон чувствует холод, он убивает эмоции, оставляет пустоту, которая и есть отчаяние. Абсолютно дурацкое ощущение. Вот я. Я и есть реальность. Никому от нее не уйти. Невозможно продолжать жить, нужно продолжать; невозможно обойтись без таких моментов.

Но и они проходят.

В дверь лаборатории постучали.

— Войдите! — чуть резковато сказал Мкарет.

Дверь открылась. На пороге стоял маленький, очень привлекательный, какими часто бывают маленькие, — пожилой, поджарый, с аккуратно увязанными в конский хвост светлыми волосами, в заурядном синем пиджаке. Будучи маленьким, примерно по пояс Свон и Мкарету, он смотрел на них, как тонкотелая обезьяна, лангур или маргышка.

— Здравствуй, Жан, — сказал Мкарет. — Свон, это Жан Женетт с астероидов, участник конференции. Жан был близким другом Алекс, сейчас он в качестве следователя, представляет Лигу, и у него есть к нам вопросы. Я сказал, что ты, возможно, зайдешь ко мне.

Маленький кивнул Свон, приложив руку к сердцу.

— Искренне соболезную вашей потере. Я пришел выразить не только сочувствие, но и нашу обеспокоенность, ведь Алекс была сердцем наших самых важных проектов, и ее смерть стала большой неожиданностью. Мы хотим убедиться, что проекты

не будут закрыты, а некоторые, откровенно говоря, опасаются, что ее смерть произошла не от естественных причин.

— Я заверил Жана, что это не так, — сказал Мкарет, увидев лицо Свон.

Женетта его заверения, казалось, не убедили.

— Алекс ничего не говорила тебе о врагах, угрозах — о какой-нибудь опасности? — спросил он у Свон.

— Нет, — ответила Свон, стараясь вспомнить. — Не таким она была человеком. То есть я хочу сказать, что она была большой оптимисткой. Уверенной, что все получится.

— Знаю. Это правда. Но, может, именно поэтому ты обратила внимание на нечто такое, что противоречило ее обычному оптимизму?

— Нет. Ничего такого не припоминаю.

— Она оставила завещание? Или записку? Что-то такое, что следует огласить в случае ее смерти?

— Нет.

— Мы составили завещание, — сказал Мкарет, качая головой. — В нем нет ничего необычного.

— Не возражаете, если я осмотрю ее кабинет?

Кабинет Алекс находился в другой от лаборатории Мкарета стороне дома; Мкарет кивнул и по коридору повел туда маленького инспектора. Свон плелась за ними, удивленная тем, что Женетт знает о кабинете Алекс, удивленная тем, что Мкарет сразу согласился показать его, удивленная и расстроенная упоминанием о врагах и «естественных причинах», намекающих на противоположное. Смерть Алекс расследует полицейский? Непонятно.

Пока она сидела на стуле возле входа, пытаясь сообразить, что бы это могло означать и как с этим смириться, Женетт тщательно осмотрел кабинет Алекс, открывая ящики, просматривая папки, проводя каким-то толстым шупом по всем поверхностям и объектам. Мкарет бесстрастно наблюдал. Наконец маленький инспектор закончил и остановился перед Свон, глядя на нее со странным выражением. Так как Свон сидела, их глаза оказались почти на одном уровне. Инспектор как будто хотел задать еще вопрос, но не решился. Вместо этого он сказал:

— Если вспомните что-нибудь, что может мне помочь, я с удовольствием выслушаю.

— Конечно, — с неприятным чувством ответила Свон.

Инспектор поблагодарил их и ушел.